

Е. А. Гребень

ГЕРМАНСКАЯ ОККУПАЦИЯ БЕЛАРУСИ 1941–1944 гг.
ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ¹

Реконструирующий события Великой Отечественной войны в Беларуси на основе воспоминаний очевидцев исследователь сталкивается с тенденцией, что, чем больше времени проходит с момента окончания войны, тем больше преобладают информанты, бывшие в годы войны детьми.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках проекта № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941 – 1944 гг.».

Естественно, что воспоминания тех, кому в годы оккупации было 6 – 15 лет, будут в ряде аспектов отличаться от воспоминаний граждан, кому в то время было 16 и более лет, и которые были охвачены обязательной трудовой повинностью. Разумеется, что в экстремальной ситуации многие дети и подростки выполняли обязанности, характерные в мирное время для более взрослых членов семьи, но, учитывая особенности детского мировосприятия, их воспоминания будут отличаться от взрослых. В статье будут проанализированы воспоминания информантов, проживавших в годы оккупации в Витебской области и на момент освобождения Беларуси имевших возраст не более 15 лет (1929 год рождения и младше), которых оккупационные власти не привлекали к выполнению обязательной трудовой повинности и которые не принимали непосредственного участия в вооруженной борьбе с врагом.

Приход немцев бывшие детьми информанты описывают так же ярко, как и взрослые. Повседневные контакты с немцами происходили в период дислокации воинской части в населенном пункте, где проживал информант. Имело место детское любопытство, но также присутствовал страх; дети понимали, что это враг, но все равно общение имело место. Дети просили (или воровали) еду, сигареты (табак), порой сталкиваясь с физическим воздействием со стороны немцев. Так, в одном из случаев в ответ на просьбу ребенка дать закурить немец дал пинка, но при этом увещевал не курить и дал что-то из продуктов [1]. Дети также подмечали что-то необычное в чужаках, что-то, что казалось им смешным. Например, жительница пос. Освея вспоминает, как немец, обращаясь к матери, говорил: «Саль, саль, саль», и им казалось, что он просит сало, но ему нужна была соль [2]. Изредка проявляемое по отношению к ним человеческое отношение сами информанты связывают с чувствами солдат, ностальгирующих по детям, оставленным в Германии: «Всякие были немцы. По соседству, размещались немцы, так один приходит и говорит. Видит, что дети малые и так по-человечески относился. У меня тоже дома клайне, клайнэ дети. Мы ж не хотим войны. Это Сталин хочет войны и Гитлер, а мы военные, нас заставили, мы идём» [3]. В детских воспоминаниях периодически фигурируют сюжеты, когда немецкие солдаты угощали информантов или малолетних членов их семей конфетами, шоколадом и другими продуктами, показывали фотографии своих детей. В то же время информанты рассказывают про выселение из домов, когда семье приходилось где-то ютиться, или же спать в тесноте рядом с немецкими солдатами. Так, во время прохождения линии фронта в районе Витебска с осени 1943 г. дома были заняты немцами, семью одного информанта выселили в сарай. Мать вынуждена была топить печь в доме, и немецкий дневальный разрешал детям зайти погреться [4].

В воспоминаниях фигурируют сцены боевых действий во время прохождения через Беларусь фронта в 1941 и 1943/1944 гг., а также во время контрпартизанских акций. Например, проживавшая в д. Ледневичи Сенненского района гражданка 1932 г.р. рассказывает, что вокруг деревни были

устроены противотанковые рвы и минные поля. Немецкая разведка захватила стоявшего в охранении красноармейца и потребовала, чтобы он показал проход в минных полях; солдат направил немцев на минное поле. Также информант упоминает мародерство со стороны немецких солдат [4]. Жительница д. Миськи Поставского района подробно рассказывает о бомбардировке деревни немецкими самолетами в ходе контрпартизанской акции в октябре 1943 г. (датировку события связывает с окончанием уборки урожая), детально описывает попытки вынести из горящих домов имущество (загоревшуюся одежду сразу же тушили в реке), смерть в огне собаки, сидевшего на цепи [5].

Упоминаются также бойцы вооруженных формирований коллаборационистов, но очень трудно верифицировать, кто это был: русские, латыши, литовцы или украинцы. Дети просто обращали внимание на непривычный говор или униформу [2].

В детских воспоминаниях крайне мало информации о главах местной вспомогательной администрации и полицейских [6]. Информанты затрудняются пояснить, что руководило людьми, сотрудничавшими с врагом. Относительно полиции информанты просто констатируют их периодические визиты в деревню, черную униформу [4].

Так же, как и для воспоминаний совершеннолетних, для детских рассказов характерны вариативные оценки партизан. Например, жительница д. Ветча Ушачского района, которой к началу войны было 6 лет, вспоминает, что в их деревне находился штаб бригады Дубова, в их доме размещались разведчики. Благодаря тому, что мать постоянно готовила им еду, и им самим было что поесть. Партизаны-разведчики оцениваются позитивно (все время ходили на задания). В то же время информант вспоминает случай, когда нетрезвый партизан, угрожая оружием, заставлял ее бабушку залить водой улей с пчелами и достать мед [7]. Упоминаемая выше жительница д. Ледневичи, чей дом был расположен на краю деревни, рассказывает, что партизаны посещали их регулярно, в отряде было много односельчан, в частности, дяди информанта. Во время визитов партизан мать посылала девочку в деревню мониторить обстановку. Также информант сообщает, что партизаны выдали семье справку о реквизиции коровы (делалось для того, чтобы оккупационные власти не обвинили людей в помощи партизанам. – *Е. Г.*). Фактически информант рассказывает о партизанах так же, как и взрослый очевидец. Имеет место тенденция, что, если семья была каким-то образом связана с партизанами или же они какое-то время дислоцировались в деревне, то в воспоминаниях детей эта тема будет фигурировать, в противном случае информант может не упоминать никакой конкретики относительно их действий.

Если в семье были трудоспособные взрослые, то образ жизни ребенка мог кардинально не меняться по сравнению с довоенным временем, но все же детям очень часто приходилось напряженно трудиться. В ситуации, когда глава семьи был на фронте (умер / погиб), старшие дети в семье брали на себя значительный объем работы по дому, трудились на земле, пасли скот.

Вопрос о том, какие налоги платили родители в пользу оккупационных властей, обычно вызывает недоумение. Действия врага ассоциируются у детей с грабежом: «нічого, ніхто ніякіє ні налогі, нічого гэтага не была. Не, немцам мы нічога не сабіралі. Ну толька так вот, еслі скот увядуць... карову там заберуць тое-другое, а так нічога, не яны нам ні мы ім нічога не давалі» [8]. Вполне естественно, что ребенок чаще всего просто не обладал информацией об обязательных поставках каждым крестьянским хозяйством зерна, скота, мяса, молока и других продуктов. Сбор натуральных налогов воспринимался ими как грабеж со стороны оккупантов.

Поездки из сельской местности на рынки в городах часто отрицаются, очевидно, в силу незнания. Удостоверения личности информанты по причине возраста не получали, о наличии их у родителей, как правило, не знают. Учитывая, что абсолютное большинство информантов проживало в сельской местности, никто из них не посещал школу в годы оккупации.

Наличие или отсутствие в семье обоих родителей влияло на восприятие оккупационной действительности. Когда оставалась одна мать с малолетними детьми, то старшие дети вынужденно были посвящены во многие моменты оккупационной действительности, как то: труд, отношения с партизанами, немцами, различные тактики выживания. Например, жительница д. Ледневичи рассказывает, что ее сестра и тетя, чтобы немцы их не забрали на постройку оборонительных сооружений, продолжительное время скрывались в светлое время суток в вырытом схроне и выходили только по ночам погреться.

Как и в воспоминаниях взрослых, фигурируют различные аспекты оккупационного быта, например, стирка золой ввиду невозможности приобретения мыла [8]. Описываются различные заболевания (чесотка, тиф и др.) и способы лечения в условиях отсутствия врачей и медикаментов, смерть людей от болезней [4]. По воспоминаниям жительницы пос. Освея, чулки намертво присыхали к образовавшимся на теле волдырям, появлявшимся в результате расчесывания [2]. Другому информанту запомнился процесс лечения чесотки, когда после бани мать натирала детей самодельной мазью так, что детям было больно: «А мы маленькія, а мама нас як натрэць. Галосім усе, плачым. Усе плачым. Нам жа больна» [5]. Житель г. Барань вспоминает, что немецкий врач, к которому его отвела мать, вырвал здоровый зуб и при этом смеялся [1].

Упоминается проблема обеспечения одеждой. Дети росли быстро, а возможности приобрести новую одежду не было, особенно для жителей сельской местности, деревень в партизанских зонах, поэтому к концу оккупации дети были одеты кое-как [2].

В лес дети чаще всего не ходили, боялись и немцев и партизан [8]. Детские игры упоминаются крайне редко, но отдельные информанты сообщают, что в деревнях проводились вечеринки, танцы, куда дети ходили в качестве зрителей, наблюдая за развлечениями молодежи [6; 8].

Как и в воспоминаниях взрослых, в рассказах детей, продолжительное время находившихся в лесных лагерях, фигурирует антисанитария, экстремальная гастрономия, болезни, бомбежки немецкой авиации, контакты с партизанами, гибель людей в результате действий карателей [9]. Порой встречается фотографическая фиксация подробностей лесного быта: ландшафт, рацион, климатические условия, организация лагеря [2]. Естественно, что дети прекрасно понимали угрозу жизни для себя и своих близких, исходившую от немцев и коллаборационистов, которые прочесывали леса в поисках партизан и мирного населения. Ребенок мог не ориентироваться в нюансах взаимоотношений граждан и оккупационных властей, мог быть не осведомлен относительно функционирования рынков, работ, порядка передвижения, в отличие от взрослых мог испытывать детское любопытство по отношению к немецким солдатам, размещенным на постой в деревне, но интуитивно чувствовал или четко понимал опасность, грозившую мирным жителям, скрывавшимся в лесу.

Жительница пос. Освея описывает лагерьный быт следующим образом: «А когда экспедиция, то мы две недели у нас не было кушать. Мама в баночке разогреет снег, и все. А потом шла одна тетенька, она работала у папы в столовой когда-то, и несла за плечами маленькую сумочку с мукой. И нам тогда дала маме пригоршни две, наверное. Так тогда мама нам колотушку такую делала. А так были землянки такие вырыты, значит. И жили в землянках до того, как экспедиция. После этого как вернулись и нашли ноги говяжьки. Варили до этого, а потом на снег положили, там же собак не было. И стали это варить. И мне до сих пор этот бульон помнится: вода, но плавало что-то чуть-чуть жиру» [2].

Как сообщает жительница д. Ветча Ушачского района, деревня была сожжена, а семья захвачена немцами в лесу, расположение их лагеря выдала бывшая среди местных жительниц беженка (эвакуированная с востока). В рассказе есть традиционный для многих воспоминаний сюжет, когда захваченные граждане некоторое время находились под прицелом пулеметов, пока немцы решали их судьбу. Потом погнали перед бронетехникой в деревню, где закрыли в доме и продержали три дня. Информанту запомнился автомобиль с антеннами и немецкие радисты в наушниках. Далее людей отправили в лагерь в г. Лепель. При этом информант не может с уверенностью датировать событие (1942 или 1943 год?). Он дает описание лагерного интерьера и быта узников: рацион, охарактеризованный как «шалупки» (картофельные очистки, испорченная капуста), узники с жестяными мисками в руках, получавшие некое черное варево, местные женщины, приносившие узникам молоко (дети разыскивали выброшенные немцами жестяные банки, чтобы в них налить молока), помывка узников в реке, обыски в бараках в поисках спрятавшихся, построения и сортировки узников, часть из которых увозили куда-то на машинах. Факт, что охрана разрешала узникам мыться в реке, дает основание датировать карательную операцию

и заключение в лагерь летом 1943 г. Очевидно, речь идет об операции «Коттбус» (май – июнь 1943 г.). Во время нахождения в лесу люди носили воду из озера, топили печь ночью, по звуку отличали немецкие самолеты-разведчики и бомбардировщики [7].

Жительница д. Янковичи Россонского района 1929 г.р. вспоминает только факт пребывания в лесу (не может назвать даже приблизительно хронологические рамки), при этом затрудняется указать название отряда и вообще какую-либо конкретику относительно контактов с ними. Помнит лишь то, что в лесу выживали за счет продуктов в схронах партизанских лагерей [10]. То есть нет зависимости между возрастом информанта и информативностью его рассказа.

Вывоз семьи информанта на принудительные работы в Германию мог вытеснить воспоминания, касающиеся жизни и быта на оккупированной территории до угона, настолько травматичными являются воспоминания о нахождении ребенка в чужой среде во вражеской стране. Человек может не вспомнить, когда был угнан, сообщая минимальные подробности («забрали в лесу»), но помнит подробности транспортировки. Например, жительница д. Селявщина Россонского района вспоминает, что поезд долго стоял на станции, им приходилось просить еду у местных жителей, во время одной из стоянок ее старшая сестра и другие девочки отстали от эшелона. Информант затруднилась указать населенный пункт, ограничиваясь информацией, что освободили союзники и передали советским властям через р. Эльбу. В Германии дети просто находились в трудовом лагере в бараках, соответственно, бывшие малолетние узники имеют приблизительное представление о том, чем занимались родители, охранялся ли лагерь, его размеры и т.д. В то же время их память фиксировала отдельные яркие эпизоды. Например, когда мать взяла девочку на работу на фабрику (женщины занимались тем, что перерабатывали одежду на вату), и немец распорядился отдать ей платье, которое должны были переработать [11].

Таким образом, детские воспоминания являются исключительно важным источником для понимания национальной истории периода Великой Отечественной войны, которые нельзя игнорировать, считая, что информанты, в силу своего возраста, не могли адекватно оценивать окружающую действительность. Экстремальная ситуация германской оккупации Беларуси 1941–1944 гг. оказывала влияние на абсолютно каждого человека независимо от возраста и рода занятий. Борьба за выживание, постоянная угроза лишиться жизни, контакты с врагом, бойцами движения Сопротивления откладывались в памяти ребенка зачастую не менее четко, чем у взрослого гражданина. Для воспоминаний детей характерна фиксация мельчайших подробностей, на которые мог не обращать внимания взрослый. В то же время такие воспоминания нельзя абсолютизировать, следует учитывать степень информированности ребенка о происходящем, влияние послевоенных рассказов о пережитом старших членов семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воспоминания Грибова Владимира Никифоровича, 1931 г.р. Записаны 20.06.2009 г. в г. Барань Оршанского района. Аудиозапись (1 час 34 минуты на русском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.
2. Воспоминания Зыковой Александры Герасимовны, 1934 г.р. Записаны 9.09.2014 г. в г/п Освея Верхнедвинского района. Аудиозапись (58 минут на русском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.
3. Воспоминания Козловой Валентины Тимофеевны, 1929 г.р. Записаны 29.11.2008 г. в д. Ула Бешенковичского района. Аудиозапись (16 минут на русском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.
4. Воспоминания Андрон Нины Захаровны, 1932 г.р. Записаны 13.08.2017 г. в д. Русины Поставского района. Аудиозапись (20 минут на русском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.
5. Воспоминания Головки Анны Игнатъевны, 1935 г.р. Записаны 13.08.2017 г. в д. Ельняки Поставского района. Аудиозапись (42 минуты на белорусском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.
6. Воспоминания Костюкевич Янины Петровны, 1931 г.р. Записаны 1.12.2007 г. в д. Чеботово Ушачского района. Аудиозапись (24 минуты на белорусском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.
7. Воспоминания Храменок Ольги Андреевны, 1935 г.р. Записаны 23.02.2009 г. в г. Лепеле. Аудиозапись (43 минуты на белорусском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.
8. Воспоминания Марченко Марии Федоровны, 1929 г.р. Записаны 14.08.2008 г. в д. Мазолово Витебского района. Аудиозапись (1 час 30 минут на белорусском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.
9. Воспоминания Крицкой Людмилы Кирилловны, 1930 г.р. Записаны 21.09.2012 г. в д. Окно Лепельского района. Аудиозапись (32 минуты на белорусском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.
10. Воспоминания Шевцовой Валентины Ивановны, 1929 г.р. Записаны 11.05.2019 г. в д. Янковичи Россонского района. Аудиозапись (16 минут на белорусском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.
11. Воспоминания Рубашенко Надежды Ивановны, 1932 г.р. Записаны 12.05.2019 г. в д. Селявщина Россонского района. Аудиозапись (25 минут на белорусском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.